

HÜQUQ

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА

М.Ф.МЕЛИКОВА

Бакинский Государственный Университетmf_melikova@mail.ru

Предметом исследования представленной научной работы являются проблемы повышения эффективности законоотворчества в Республике, которые рассмотрены в ракурсе стратегических направлений правовой политики. В работе вынесен на рассмотрение ряд аргументированных предложений (о признании судебного прецедента как источника права, введении института всенародного обсуждения законопроектов и др.), имеющих теоретическое и практическое значение.

Сложные процессы социально-экономических преобразований в Азербайджане выдвигают перед суверенным государством крупномасштабные проблемы, обусловленные интенсивным развитием, охватившим глубинные пласты общественной жизни, а также внешнеэкономическими факторами на общем фоне глобализации различных сфер в международном пространстве. Динамика социальных процессов требует своевременного решения задач по конструированию апробированных временем моделей, адекватному отображению жизненных реалий, учету потребностей общества во всей их многоаспектности и противоречивости.

Новое тысячелетие для молодого суверенного Азербайджана ознаменовалось не только обогащением уже накопленного за годы независимости опыта государственно-правового строительства, но и выдвиганием новых задач по дальнейшему развитию государственно-правовых институтов, в целях повышения их эффективности и, порою, внесению существенных коррективов в осуществленные преобразования.

Общепризнанным является тот непреложный факт, что основным инструментарием данных преобразований (не исключая, естественно, роли иных форм воздействия: идеологии, морали, нравственности, религии и т.п.) в силу присущих ему качественных свойств (общеобязательности, нормативности, гарантированности и др.) является право, система национального законодательства. «Право любой страны – это неразрывная часть ее национального достояния, в определенном смысле – порождение традиций, наследие предков и способ самовыражения данного общества» [15, 389].

Нет необходимости доказывать, насколько для республики важен этот устойчивый, апробированный инструментарий, содержащий неисчерпаемую «внутреннюю» энергию, внутренний потенциал, подлежащий более рациональному использованию в интересах общества и государства. Объективности ради, следует отметить, что сегодня в республике он успешно применяется и раз-

вивается, что свидетельствует о восстановлении «правового» статуса права. Достаточно указать на тот факт, что со времени вступления Азербайджана на путь свободного развития принято огромное количество нормативных правовых актов, охвативших своей правовой регламентацией все сферы общественной жизни.

Однако эти достижения не исключают актуальность разработки новых рациональных подходов к решению устоявшихся проблем в сфере нормотворческой деятельности, прогнозирования новых, ибо ультраинтенсивное развитие общественных отношений внутри и вовне страны создают обстановку осуществления постоянного контроля за балансом между жизненными реалиями и развитием права (законодательства). Известно, что отставание (разрыв) права от динамики общественных отношений чревато образованием застоя (в лучшем случае пробельности) в законодательстве. Иными словами, право из феномена, несущего в себе положительный заряд, может превратиться в негативный фактор.

В деле формирования правовой основы нового азербайджанского общества важную роль играет правовая политика, основанная на общечеловеческих ценностях, общемировых стандартах, определяющая приоритетные направления развития законодательства.

Следует особо отметить, что правовая политика, как сфера деятельности государства, тесно связана с правовыми явлениями, правовыми учреждениями, институтами, правотворчеством, правореализацией. Своим понятием и действием она охватывает все области социальной жизни, выступает важным средством формирования и совершенствования государственно-правовых институтов, правовых и нравственных основ общества, защиты прав и свобод человека и т.д. Сконструированная на научной основе она содержит в себе концептуально аргументированные правовые программы, широкий спектр которых в условиях охватившего мировое пространство процесса интеграции предусматривает обновление законодательства с учетом социально-экономических реалий. Пожалуй, обновление (в понимании не преобразования, а создания новой системы) правомерно идентифицировать с Ренессансом в общеисторическом процессе развития права.

Как часть общегосударственной политики правовая политика взаимодействует с другими ее составляющими (экономическая политика, социальная политика и др.). Однако в силу того, что претворение этих форм осуществляется через право, правовую политику, полагаем, что именно правовой политике по причине ее функциональной значимости принадлежит приоритет, ибо иные формы политики свое юридическое выражение получают в праве, оказываются действенными, опосредствуясь в нем. В этом плане правовая политика выступает важным средством реализации общегосударственной политики. Как справедливо отмечается в правовой литературе, «...правовая политика предопределяет организующее начало правового развития общества, выступает одной из форм юридической легитимации официального государственного курса страны» [11, 94].

Особая значимость правовой политики обусловлена ее целями, заключающимися в упрочении государственности, ее социально-экономических, политических и правовых основ, стабилизации общественного порядка, защите прав и свобод членов общества.

Приоритетные направления правовой политики в сфере правотворчества состоят, в первую очередь, в совершенствовании законодательства и механизма

его реализации; расширении пределов правового регулирования с учетом новых сфер социальной жизни; расширении сферы естественного права в законодательстве; имплементации международно-правовых норм и стандартов; гарантированности прав и свобод и др.

Эффективность правовой политики обеспечивается ее научной обоснованностью, адекватным юридическим выражением жизненно важных потребностей общества, обеспечением действенности законотворчества, что, в свою очередь, требует разработки ее основополагающих принципов, концептуальных положений, прогнозирования перспектив развития. В этой связи научные разработки приобретают особый вес, тем более в условиях глобализации, требующей переосмысления социальных ценностей, в том числе и права, правовой политики, новых подходов к пониманию правовых категорий. Если исходить из понимания глобализации как интеграции стран мирового сообщества в области экономики, политики, права, культуры, как состояние сближения культур, цивилизаций, создания транснациональных пространств и возникновение новой формы цивилизации, то надо признать ее реальное довлеющее влияние на постановку ряда новых для национальной правовой политики проблем, теоретическое и правовое решение которых, несомненно, повысит эффективность законотворчества.

К числу таких неотложных проблем правовой политики следует отнести расширение сферы формирования законотворчества, переоценку «перечня» его источников, ибо правовая политика, в первую очередь, органически связана с правотворчеством. Выше отмечалось, что правовая политика получает свое закрепление в законодательстве, через которое в основном и реализуется в обществе. Законодательство выступает как форма юридического выражения правовой политики.

В современный период – период глобализации и конвергенции правовых систем – рассмотрение вопроса об источниках права требует новых подходов. Проблематичность заключается в признании или непризнании судебного прецедента в качестве источника права. Следует отметить, что данный вопрос – один из тех краеугольных камней, который обуславливает соответствующую «перестройку» системы источников права, определение баланса между источниками в зависимости от их правовой и социальной значимости, юридической силы. Подобная «перестройка», несомненно, явится основанием для пересмотра общепринятой иерархии источников права, «перераспределения» мест источников в ней. Думается, по этой причине данная проблема, имеющая непреходящее теоретическое и практическое значение для законотворчества (и правоприменения), стала предметом острых дебатов в научной литературе [2, 3, 4, 5, 7, с.5, 12, 13 и др.] и по сей день осталась нерешенной. Возросший к ней интерес объективно обусловлен происходящей в странах мирового сообщества интеграцией правовых систем, процессом имплементации признанных данным государством норм и принципов международного права, получившей законодательное закрепление в конституциях ряда стран и Конституции Азербайджанской Республики в том числе (ст.ст.148, 151).

Влияние глобализации сказалось на сближении двух основных правовых систем мира – романо-германской и англо-саксонской, главный вопрос расхождения которых заключается в разном подходе к оценке роли судебного прецедента в качестве источника права.

Известно, что моделью для стран англо-саксонской правовой семьи являлось созданное в Великобритании общее право (common law), в дальнейшем воспринятое другими странами, однако, с определенными интерпретациями, нередко с существенными (например, в США), диктуемыми национальными особенностями, историческими традициями и другими факторами. Эта система в отличие от романо-германской строилась на основе судебной практики, судебного правотворчества, метода казуистики. Что же касается романо-германской правовой семьи, она имеет своим основным источником нормативный правовой акт, как результат правотворчества компетентных государственных органов. Судебный прецедент как таковой в иерархии источников романо-германской правовой системы в формальном смысле не значится, а, следовательно, отвергается и судебное нормотворчество.

Между тем романо-германской правовой семье не чужда доктрина судебного прецедента. Еще римское право признавало судебное правоположение, выработанное на основе отдельных судебных решений, которому следовали судьи. Напомним также, что в 426 г. до н.э. в Римской империи официально по закону «О цитировании юристов» сочинения крупных римских юристов считались обязательными при решении соответствующих дел. Иными словами, они приобретали характер источников права. Однако доктрина судебного прецедента в различных правовых системах воспринимается по-разному, в частности, в романо-германской она имеет особенности, которые разительно отличают ее от доктрины в системе общего права [9, 22-28]. В научной литературе констатируется существование прецедента также в средневековом русском праве [14, 78-83].

Однако в иерархию источников права реальная жизнь вносит свои коррективы, формирует новые, более гибкие формы, повышает значимость наличествующих. К примеру, возрастает значимость нормативных договоров, обусловленная увеличением роли диспозитивных методов в праве, основанных на добровольном волеизъявлении участников – субъектов права (напр., международный договор, выражающий коллективную волю государств – субъектов международного права).

На современном этапе наблюдается также наращивание рейтинга правовых доктрин, приобретающих основание (к сожалению, несколько запоздалое с учетом того, что именно научные доктрины, концепции, в определенном понимании, оказывают принципиальное влияние на содержание закона – формирование государственной воли) для перемещения из разряда «вторичных» (дополнительных) источников в число основных.

Повышение значения и роли правовых доктрин и нормативных договоров свидетельствует о том, что иерархия источников не стабильна, подвергается в силу объективных обстоятельств внутренним изменениям; она «подвижна», в соответствующем темпе динамична. В этой связи дифференциация источников на основных и неосновных, или первичных и вторичных, представляется и носит глубоко условный характер.

Но важно отметить весьма своеобразную ситуацию, связанную с реальной практикой действенности «дополнительных» источников права. Они, независимо от выделенного в научной литературе им места в иерархии источников, так сказать, подспудно играют не менее важную роль в законотворчестве, занимают «авторитетное», отведенное им жизненными обстоятельствами, практикой место в системе источников и не без основания «претендуют» на

собственное (а не дополнительное) существование, оказывая влияние на формирование правового мышления, содержание, цели закона.

К числу подобного ряда источников права относится и судебный прецедент, официально не признанный в романо-германском праве, но практически жизнеспособный, активно участвующий в законотворчестве и правоприменении. Иными словами, судебный прецедент выполняет свою роль в качестве «нелегального», «нелегитимного» источника права. Как правильно отмечено в научной литературе: «Во всех правовых системах имеются такие правовые массивы, которые в той или степени наполняются и развиваются благодаря существованию прецедентов» [9, 22]. Без учета судебной практики, концентрирующейся в судебном прецеденте, законодатель не может и не вправе обойтись, ибо законотворчество, не опирающееся на судебную практику, чревато принятием в большинстве случаев нежизнеспособных, обреченных на бездействие законов. Рене Давид отмечает, что «положения английского закона тонут, в конце концов, в массе решений судебной практики, авторитет которых заменяет закон» [6, 258]. Подобная «нелегитимная» активность судебного прецедента на практике особо подчеркивает необоснованность его исключения из числа источников права. Применение судебного прецедента, на наш взгляд, необходимо в целях обеспечения стабильности и эффективности закона, его высокого правового и нравственного рейтинга. Законотворчество – это процесс творческий и творить закон без учета различного рода факторов (экономических, социальных, нравственных, национальных и др.), в том числе и судебной практики, может оказаться ущербным для качества закона, как устойчивого правового регулятора, рассчитанного на длительное действие. Надо полагать, что одной из причин принятия «краткосрочных» законов и необходимости постоянного внесения радикальных изменений и дополнений в ранее принятые законы*, помимо прочих (например, «скоростной» темп законотворчества, недоучет законодателем степени эффективности нормативного правового акта, баланса между целью и последствиями его действия, в максимальных пределах социальных потребностей общества и др.), является также неприятие судебного прецедента, являющегося итоговым обобщением судебной практики.

Казалось бы кодифицированное законодательство должно быть сравнительно более стабильным, тем не менее за период от 2001 года по настоящее время в принятые в Республике кодексы внесены существенные дополнения и изменения с последующим изданием новых (например, УК, ГК Азербайджанской Республики и др.). Другой пример, за период осенней сессии 2008 года парламентом Республики внесены изменения и дополнения в 37 законов [17].

«Легитимация» судебного прецедента не означает, естественно, признание его в качестве панацеи, освобождающей законотворчество от всех недостатков и обуславливающей его идеальность. Допустимы и другие каналы, обладающие достаточным потенциалом для повышения стабильности и эффективности закона. Например, в российской правовой литературе предложено расширение круга субъектов права законодательной инициативы за счет предоставления данного права Генеральной прокуратуре Российской Федерации и Счетной палате РФ [16,

---

* В РФ, например, согласно данным Председателя Совета Федерации С.М.Миронова, в год принимается около 300 законов, большая часть которых лишь вносит изменения и дополнения в ранее принятые законы // Государство и право, 2007, № 4, с.112.

79]. Знаменательно, что Конституция Азербайджанской Республики в свое время законодательно закрепила такое право за Прокуратурой Азербайджанской Республики (ст.96).

В круг субъектов права законодательной инициативы на конституционном уровне, представляется, можно было бы включить Полномочного представителя Азербайджанской Республики в Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ), который согласно Положению «О Полномочном представителе Азербайджанской Республики в Европейском суде по правам человека», утвержденному Указом Президента Азербайджанской Республики от 8 ноября 2003 года, наделен правом *подготовки предложений по совершенствованию законодательства* (выделено нами – М.М.) и практики правоприменения на основе изучения решений ЕСПЧ в отношении государств-участников Конвенции и учета прецедентного права ЕСПЧ (п.9.3).

Как видно, содержащаяся в указанном Положении правовая норма является основанием для внесения Полномочным представителем предложений об изменениях и дополнениях в законодательство Республики. К сожалению, в Положении не определен адресат, которому были бы представлены соответствующие предложения. Полагаем, что им может стать парламент Республики. Подобная деятельность Полномочного представителя по сути равнозначна осуществлению законодательной инициативы, так как содержит в себе основные элементы института права законодательной инициативы.

Показателем высокого политического и правового рейтинга проводимой в стране правовой политики являются предпринятые меры по повышению роли общественности в законотворчестве, обеспечению ее политической активности. Согласно дополнению к ст.96 Конституции Азербайджанской Республики, принятому Актом Референдума от 18 марта 2009 года, 40 тысячам граждан страны, обладающим избирательным правом, предоставлено право законодательной инициативы, что следует расценивать как новую форму проявления народовластия.

Надо полагать, настало время возрождения демократического института всенародного обсуждения законопроектов, по своей сути также являющегося важной формой прямого народовластия.

Известно, что данный институт, созданный в советское время согласно Закону «О всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни» от 30 июня 1987 г., в целях развития самоуправления народа, обеспечения участия в управлении государственными и общественными делами устанавливал конституционное право граждан на участие в обсуждении проектов законов и решений общегосударственного и местного значения. Справедливость требует отметить, что этот акт был отмечен хорошей результативностью. Использование данного опыта, как представляется, принесло бы только положительные дивиденды в деле дальнейшего развития демократии и реализации основополагающих принципов правовой политики.

Учет общественного мнения, проведение общегосударственных опросов, широких обсуждений в прессе и др. способы совершенствования законодательства давно и прочно вошли в практику зарубежных стран, во многих из которых учреждены специализированные институты общественного мнения, различные реестры, нацеленные на учет предложений, рекомендаций граждан страны.

Введение в практику государства института всенародного обсуждения - свидетельство непосредственного участия граждан страны в решении важных

вопросов государственной и общественной жизни, а, следовательно, в управлении государственными делами, осуществлении государственной власти.

Обобщение и учет предложений и замечаний граждан при разработке проектов законов окажет значительную помощь правотворчеству компонентных государственных органов.

Наряду с такими формами всенародного обсуждения, как участие в подготовке и выработке законопроектов, возможны и другие формы: работа в составе комитетов парламента Республики, создаваемых комиссий, рабочих групп, участие в работе отдельных государственных органов (например, центральных и местных исполнительных органов), а также органов местного самоуправления при обсуждении принимаемых ими нормативных правовых актов, передача коллективам граждан проектов законов на предмет их обсуждения, подготовки замечаний, предложений по дополнениям и изменениям в законопроекте.

Понятно, что в данном деле необходим профессионализм, навыки, опыт. Однако отсутствие этих данных у граждан – работников разных сфер общественной жизни, например, занимающихся производственной деятельностью, отнюдь не исключает эффективность этих форм демократии и компенсируется за счет их жизненного опыта. Во-первых, для рассмотрения и приемлемости предложений и замечаний в работу комиссий, рабочих групп могут быть включены соответствующие специалисты, представители научных учреждений и т.д.

Во-вторых, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что непосредственные производители обладают большим жизненным опытом, чаще сталкиваются с жизненными потребностями. К слову, они также могут консультироваться с профессионалами.

Кроме того, неверно было бы в условиях всеохватывающего процесса политизации воспринимать современного человека как несведующего в происходящих в стране преобразованиях в области политики государства, права, законодательства. «Политическое пространство, – отмечает Н.И.Матузов, – сегодня настолько расширилось, что стало фактически адекватным общечеловеческому пространству. Политика органически вплетена во всю общественную жизнь. Никто не может укрыться от политического воздействия, избежать влияния политических страстей, волны которых докатываются до самых отдаленных уголков страны и мира» [10, 5].

Действительно, граждане республики - это субъекты права, члены гражданского общества, субъекты народовластия. Такое правовое состояние граждан настоятельно диктует расширение их участия в прямом народовластии, которое получило конституционную регламентацию, по сути, лишь в форме референдума (ч. II ст. 2).

Приведенные выше суждения логично подтверждают вывод о настоятельной необходимости узаконения также и такой формы прямого народовластия как всенародное обсуждение законопроектов.

Преимущества данной формы, как представляется, заключаются не только в существенном влиянии на качество законотворчества. Надо считать, что право на всенародное обсуждение проектов законов в определенном смысле вытекает, производно от предоставленного гражданам права законодательной инициативы.

Законодательное закрепление за гражданами права всенародного обсуж-

дения, несомненно, действенным образом будет способствовать формированию правового мышления, правовой культуры, осуществлению и защите своих прав и свобод, исполнению правовых обязанностей, повышению позитивной юридической ответственности членов общества перед государством и гражданами страны.

Введение института всенародного обсуждения несет в себе, помимо указанных, не менее важную функцию, состоящую в преодолении правового нигилизма среди населения страны. Данный вопрос, являющийся одним из стратегических направлений правовой политики, довлеет над обществом, требует неотложных мер в борьбе с индифферентностью. Поднять правовой «тонус» граждан, создать условия для приобретения ими навыков обращения с законом, качеств, кроме указанных выше, также и субъектов законотворчества – задача исключительной важности. И одним из апробированных действенных способов могло бы стать законодательное признание рассматриваемого института.

Изложенные соображения говорят за то, что принятие специального закона о введении демократического института всенародного обсуждения принесло бы значительную пользу в повышении качества законотворчества, обогатило бы правовую политику страны новыми способами решения государственно важных задач.

Возвращаясь к вопросу о судебном прецеденте, следует подчеркнуть его социально- правовую значимость, состоящую, кроме прочего, в том, что он обеспечивает более тесную связь законотворчества с жизненными обстоятельствами. Опыт судов, сформировавшийся на основе повторяющихся ситуаций, аналогичных однохарактерных категорий дел, проходит серьезную апробацию в жизни, своего рода испытание, приобретает устойчивый характер, обобщается в актах высших судебных органов, в которых общая, абстрактная норма конкретизируется применительно к жизненным обстоятельствам. В таком понимании именно судебная практика, судебный опыт служит, можно сказать, экспериментальной «лабораторией», в которой апробируется закон, его целесообразность, эффективность. Здесь отрабатываются правовые установки, «отшлифовываются» веления законодателя, которые впоследствии входят в правовую ткань.

В пользу позитивного признания судебного прецедента свидетельствуют и иные факторы. В частности, конституционное закрепление судебной власти как самостоятельной ветви в системе разделения властей; особая роль судебных органов, связанная с нормоконтролем, осуществлением судебного контроля за законностью нормативных правовых актов; нормативность решений Конституционного Суда, его актов толкования и др. Нельзя сбрасывать со счета и вопрос о значении и юридической природе руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда Республики. В литературе по данному вопросу высказаны различные мнения. Напомним, что научные споры об отнесении постановлений пленумов высших судебных органов к числу источников права или непризнании их таковыми делятся начиная с 50-х годов прошлого столетия. Окончательное решение содержалось в ст. 3 Закона «О Верховном Суде СССР» от 30 ноября 1979 года, которая закрепила обязательный характер руководящих разъяснений Пленумов Верховного Суда, что, на наш взгляд, практически означало признание постановлений пленумов источником права.

В современной научной литературе бытует точка зрения, согласно которой постановления Пленумов Верховного Суда по своей внешней форме в

силу отсутствия традиционных для судов формы приговора или решения, описания обстоятельств конкретного дела больше схожи с актами законодательных или исполнительных органов [7, 5]. В связи с тем, что они направлены на внесение корректив в законодательство, их принято называть «правоположениями».

Наиболее устойчивой и обоснованной, на наш взгляд, является позиция исследователя проблем судебного правотворчества и судебного права М.Н.Марченко, считающего, что судебные прецеденты, решения высших судебных органов являются источниками системы национального права различных стран и международного права [8, 5].

Статус решений Пленума Верховного Суда АР четко определен Конституцией Азербайджанской Республики 1995 года, установившей, что Верховный Суд дает «разъяснения по вопросам, касающимся практики судов» (ст.131). Таким образом, как видно, вопрос о юридической природе решен на конституционном уровне.

Знаменательно, что в Азербайджане предприняты определенные меры на пути к позитивной оценке судебного прецедента. Так, официально признана обязательной юрисдикция ЕСПЧ, в связи с чем суды должны учитывать практику ЕСПЧ, основанную на прецедентном праве. Этому обязывает и то обстоятельство, что Азербайджан ратифицировал Европейскую Конвенцию, в силу чего решения данного Суда в Республике, как и в других присоединившихся к Конвенции государствах, прямо применяются без всяких оговорок.

По вопросу о статусе судебного прецедента в Азербайджане неосцимо важное значение имеет Указ Президента Азербайджанской Республики «О модернизации судебной системы в Азербайджанской Республике и применении закона Азербайджанской Республики «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Азербайджанской Республики» от 19 января 2006 г., который четко ориентирует высшие судебные органы на изучение и учет в судебной практике прецедентного права ЕСПЧ. П. 6 данного Указа гласит: «Верховному Суду Азербайджанской Республики, апелляционным судам Азербайджанской Республики и Верховному Суду Нахчыванской Автономной Республики организовать работу по изучению прецедентного права Европейского Суда по правам человека и учесть его в судебной практике» [1]. По своей социально-политической и правовой значимости установки Указа Президента Республики открыли новый этап в постановке вопроса о судебном прецеденте, ознаменовали новое стратегическое направление в правовой политике страны, которые по существу являются вехой в проблеме развития системы источников права и в целом всей системы законодательства.

Подытоживая приведенные соображения, в дилемме: признать или не признать судебный прецедент в качестве источника права в Республике – выбор, как представляется, будет за первой посылкой в силу ее практичности, жизненности и эффективности.

В постановочном порядке своевременным представляется рассмотрение ряда не менее важных для повышения качества законотворчества вопросов: о скорейшем применении положений текущего законодательства относительно суда присяжных, правовом обеспечении действенного участия общественности в обсуждении законопроектов, возможности введения института делегированного законодательства и др.

Решение каждой из указанных проблем будет способствовать созданию новых каналов позитивного воздействия на законотворчество, окажет заметное влияние на его принципы, законотворческий процесс, правоприменительную деятельность государственных органов.

Реальная жизнь, которая богаче человеческих представлений, привнесет новые способы, требующие глубокого осмысления, взвешенного восприятия реалий в интересах азербайджанской государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Azərbaycan Respublikasının Qanunvericilik Toplusu, 2006, № 1, maddə 7.
2. Богдановская И.Ю. Прецедентное право. М.: Наука, 1993, 239с.
3. Бошно С.В. Влияние судебной практики на законотворчество // Государство и право, 2004, № 8, с. 14-22.
4. Гаджиев Г.А. Феномен судебного прецедента // Судебная практика как источник права. М.: Институт гос. и права, РАН, 2000, с. 98-106.
5. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: 1999, 400 с.
6. Лившиц Р.З. Судебная практика как источник права // Судебная практика как источник права. Институт гос. и права РАН, 1997, с. 3-15.
7. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебное право. М.: ТК ВЕЛБИ, Проспект, 2007, 512 с.
8. Марченко М.Н. Особенности судебного прецедента в системе романо-германского права // Государство и право, 2006, № 8, с. 22-28.
9. Матузов Н.И. Актуальные проблемы российской правовой политики // Государство и право, 2001, №10, с. 5-12.
10. Морозова Л.А. Еще раз о судебной практике как источнике права // Государство и право, 2004, № 1, с.19-23.
11. Минюк М.В. Законотворчество как форма выражения правовой политики // Государство и право, 2007, № 6, с. 94-98.
12. Попонов Ю.Г. Теоретические и практические проблемы судебной практики при исполнении судами пробелов в праве // Судебная практика как источник права. Институт гос. и права РАН, 2000, с. 153-158.
13. Петров К.В. «Прецедент» в средневековом русском праве (XVI-XVII вв.) // Государство и право, 2005, № 4, с. 78-83.
14. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). М.: Юрист, 2000, с.441.
15. Шаклеин Н.И. К проблеме повышения эффективности законотворческой работы в России // Государство и право, 2008, № 10, с.78-85.
16. [http : / www. meclis.gov.az](http://www.meclis.gov.az).

HÜQUQİ SİYASƏT VƏ QANUN YARADICILIĞININ AKTUAL PROBLEMLƏRİ

M.F.MƏLİKOVA

XÜLASƏ

Təqdim edilən elmi məqalənin tədqiqat predmetini Respublikada qanunvericiliyin keyfiyyətinin yüksəldilməsi ilə bağlı problemlər təşkil edir. Həmin problemlər hüquqi siyasətin strateji istiqamətlər müstəvisində nəzərdən keçirilmişdir. İşdə qanunvericiliyin təkmilləşdirilməsinə yönəlmiş, nəzəri və praktik əhəmiyyətə malik olan əsaslandırılmış təkliflər (məhkəmə presedentinin tanınması haqqında, ümumxalq müzakirəsi institutunun tətbiqi barədə və s.) irəli

sürülmüşdür.

THE LEGAL POLICY AND ACTUAL PROBLEMS OF LAWMAKING

M.MALIKOVA

SUMMARY

The research object of the presented scientific work involves problems of increasing efficiency of lawmaking in the Republic which are considered in the framework of strategic directions of legal policy. A number of practically and theoretically important reasonable offers (about the recognition of judicial precedent as a law source, introduction of the institute of public discussion of bills etc.) are placed for consideration in the paper.